

Александр Степанович Грин

Продолжение следует

Александр Грин
Продолжение следует

«Public Domain»

1917

Грин А. С.

Продолжение следует / А. С. Грин — «Public Domain», 1917

История больной девушки, живущей ожиданием продолжения полюбившегося романа, публиковавшегося в дешевом журнале. © FantLab.ru

Содержание

I	5
II	8
III	10

Александр Степанович Грин

Продолжение следует

Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

I

Больная девушка лежала на спине, укутанная по самый подбородок меховым одеялом. Черное ночное окно отражало красноватый огонь лампы. По закопченным стенам хижины висели пробочные балберки, грузила, остроги, мережки, удочки и другие рыбные снасти. Над изголовьем больной, прикрепленная шпилькой, виднелась вырезанная из журнала картинка, изображавшая молодого человека в плаще, отбивающего нападение разбойников.

Услышав за окном шаги, девушка приподнялась на локте. Это, видимо, стоило немалых усилий ослабшему телу, так как брови ее, поднявшись и морщась, выразили мучение. Глаза, однако, светились оживлением.

– Ну что? – спросила она, прежде чем вошедший успел закрыть дверь. – Дали тебе «Звезду»?

– Не прыгай, Дзета, – сказал старик Спуль, отставляя в угол ведерко с пойманной рыбой. – Валяйся себе потихоньку.

– Ты просто невыносим, отец, – сказала девушка. Углы ее рта вздрогнули, а обнажившаяся рука нервно потянула одеяло. – Не понимаю, зачем меня нужно дразнить! Есть или нет? Скажи честно!

– Чего честнее, – захохотал Спуль, торжественно замахиваясь, как мечом, длинной желтенькой бандеролью и бережно подавая ее томящейся руке дочери. – Почта запоздала, видишь ли, на неделю, потому что...

Дзета уже не слушала. Она попробовала разорвать бандероль, но, ослабев, в изнеможении, с закружившейся головой откинулась на подушку, крепко зажав в худеньком кулаке драгоценный журнал.

– Эй, старуха, – тревожно сказал Спуль, – тебе ведь спички не переломить, а туда же... Пусти-ка, я сам. – Он взял у дочери «Звезду», помуслил палец и, словно вспарывая рыбу, произвел весьма чинно на столе деликатную операцию открытия бандероли.

Затем Спуль приступил к делу.

– Посмотри прежде «Эмиль и Араминту», – тревожно сказала Дзета. – Должно же быть, наконец, продолжение. Не могу же я верить до бесконечности. Ведь вот полгода прошло, как сама я прочла... помнишь? После того, где Эмиль сказал Араминте: «Ты, дорогая, не беспокойся. Я возвращусь, и мы будем счастливы». Да, так там ведь напечатано внизу: «Продолжение следует».

Она взволновалась, как бы предчувствуя, что и на этот раз ожидания ее будут обмануты.

Пока девушка говорила, старик осторожно перевертывал страницы, опасливо приглядываясь к каждому заголовку. Его широкое, прекрасное наивной старостью и смелыми, но добродушными глазами лицо делалось все растерянее по мере того, как он приближался к обложке, смущенно бормоча что-то вроде: «пропустил, надо быть», «вот поди найди», «экое дело» – и другие, облегчающие подавленное состояние, слова-вздохи. Он сам был немало заинтересован дальнейшей судьбой главных героев оборванного романа, но стеснялся показывать это.

– «Моисей в пустыне», рассказ, – монотонно говорил он, по временам вглядываясь в петит, словно исчезнувший граф Эмиль притаился как в загадочной картинке, среди букв, – «Волны», стихотворение. «Открытие Южного полюса», научно-популярный очерк. «Испыта-

ние огнем», очерк средневековой жизни. «Про то, про се», мелочи. «Смесь». «Пейте шоколад»... Хм, Дзета, ты опять не уснешь... нет, ровнешенько ничего нет!

– Ну что это, право! – жалобно воскликнула девушка. – Ты понимаешь тут что-нибудь?

Старик не ответил. Он был сильно расстроен, Дзета таяла на его глазах с каждым днем. Болезнь ее, как говорил приезжавший врач, «не поддается определению». Он думал, что это на нервной почве. Началось с того, что девушка стала страдать бессонницей, отсутствием аппетита, а месяц спустя слегла с признаками сильного истощения.

– Ее нужно развлекать, – сказал врач, и Спуль по его совету выписал «Звезду», маленький журнал с картинками, с невинным, почти сказочным содержанием.

Отец и дочь свято верили в то, что каждая печатная строка – правда. Вымышленных лиц в «Эмиле и Араминте» для них не было. Герои романа, конечно, живы, и приключения их по мере шествия событий протокольно описываются доверенными сего дела – писателями. Роман увлек Дзету нежной любовью Эмиля и Араминты, девушки, как и она, бедной, но преданной своему возлюбленному. Граф Эмиль, блестящий придворный, отправился в Америку добывать завещание, украденное разбойниками, и простодушная Дзета, обманутая извещением: «Продолжение следует», искренно страдала от неизвестности дальнейших событий. За полгода, как оборвался роман, – потому ли, что автору надоело возиться с благородным Эмилем, по причине ли скудности авансов в «Звезде», из-за смерти ли романиста, – но только в эти полгода, как думала Дзета, все должно было уже закончиться или благополучно, или катастрофой.

Болезненно страстно хотела она узнать, что случилось, а каждый номер приносил ей новое и новое разочарование. И что главное – в одиноких мечтах ее, в заученном наизусть романе Араминта постепенно превратилась в нее, Дзету, а Эмиль – в того, который год назад стал для ее сердца далекой обетованной страной. Случайный городской гость пробыл несколько дней в пустыне, и Спуль не знал, что притихшая и больная девушка год назад смеялась, крепко целуясь в береговом кустарнике с широкоплечим молодым человеком, модная бородка которого, мягкие усы и быстрые ореховые глаза застряли неподалеку от Хоха (деревня Спуля) благодаря поломке пароходного колеса. Он сказал Дзете, что любит полевые цветы и скоро вернется к ним. И...

– «Продолжение следует», – невольно пронеслись перед ее глазами знакомые буквы.

«Как его зовут? Акаст. Милый Акаст... милый обманщик».

Она вытерла мигающие глаза и снова спросила:

– Отец, какое же твое мнение?

Спуль раздувал очаг.

– Я думаю, что его... ф-ф-ф-фух! щепки сырые... что его сиятельство граф, видишь ли, – ф-ф-фух! – отдал распоряжение... Сварить тебе рыбки, Дзета? Ну, затрещало.

– Какое распоряжение?

– А чтобы... этого... его не пропечатывали.

– Ну вот! – Она стала смотреть на огонь. – Если он терпел и знал, что о нем все до сих пор написано... Не понимаю. Зачем запрещать теперь?

Меж ними возгорелся легкий спор. Старик доказывал, что высокопоставленные люди имеют свои резоны – публиковать или не публиковать их приключения; а Дзета утверждала, что здесь замешана какая-то неизвестная дама, которая влюблена в Эмиля и которой, мстительных ради целей, хочется, чтобы бедная Араминта пребывала в неизвестности относительно судьбы своего возлюбленного.

– Если бы поговорить с тем человеком, который писал это! – сказала, вздыхая, девушка. – «Дон-Эстебан» – сказано там. Роман Дон-Эстебана. Писатели, наверное, все знают... Уж я бы у него выпросила.

– Хочешь посмотреть «Звезду»? – спросил Спуль, кончив есть.

Он примостился уже было на краю кровати с журналом в руках, но Дзета нерешительно покачала головой:

– Я не буду смотреть картинки. Отец, – робко прибавила она, помолчав, – если хочешь, почитай мне конец... там, где остановились.

– Опять? Вчера ведь читали, Дзета.

– Ну что ж... жалко тебе?

Спуль взял с полки старый, замызганный номерок и, смотря поверх страницы, – так как наизусть знал развернутое, – отбарабанил далеко не нежным голосом:

«Араминта, обливаясь слезами, обняла Эмиля за шею, и ее прекрасное лицо наполнило сердце героя состраданием и любовью.

– Не плачь, бесценная возлюбленная, – сказал Эмиль, – беру в свидетели небо и землю, что вернусь к радостям семейной жизни с тобой. Мне надо только преодолеть коварный замысел дяди, вручившего жестокому атаману Грому завещание моего отца. Не беспокойся, дорогая. Я вернусь, и мы будем счастливы».

«Продолжение следует», – хмуро закончил старик.

– Дзета!

Девушка лежала навзничь, уткнув лицо в мокрые от слез ладони. Она не откликнулась. Скоро дыхание ее стало ровнее, тише, и сон, вызванный непосильным волнением, положил свою теплую руку на ее маленькую горячую голову.

II

После рассказанного в течение добрых десяти дней, на протяжении тысячи верст, одинокая старческая фигура – с платком вокруг черной от солнца шеи, в высоких сапогах, в страшной трубообразной шляпе и красной шерстяной блузе, – совершала, не останавливаясь, перемещение от одной точки земного шара к другой, пока не появилась на площади Амбазур.

Сначала фигура сидела на одном из звеньев длинного речного плота, затем путешествовала верст пятьдесят от берега к берегу другой реки, где села на пароход, а с парохода, дней пять спустя, в шумный вагон, который к вечеру десятого дня доставил благополучно фигуру на упомянутую блестящую площадь.

Было без четверти пять, когда в передней «Звезды» раздался неуверенный короткий звонок, и редакционный сторож, злобно открыв дверь, увидел живописную фигуру Спуля, благоговейно созерцающего эмалевую дощечку, где строгими черными буквами возвещалось, что секретарь «Звезды» сидит за своей конторкой ровно от трех до пяти – ни секунды более или менее.

– Подписка внизу, – отрывисто, подражая редактору, заявил сторож, – да затворяй двери, дед!

– Послушай-ка, паренек, – таинственно зашептал Спуль, продвигаясь в переднюю, – я, видишь ты, дальний... Мне, видишь, нужно поговорить с вашими. А прежде скажи: здесь находится господин писатель Дон-Эстебан?

– Вот, надо быть, к вам пришел, – сказал сторож, приотворяя дверь в комнату секретаря. – Я, хоть убей, не понимаю этого человека.

Секретарь «Звезды», желчный толстенький господин, измученный флюсом и корректурой, выскочил на каблуках к Спулю.

– От кого? – процедил он сквозь карандаш, зажатый в зубах, тонким, словно оскорбленным, голосом. – Стихи? Проза? Рисунки?

– Как бы мне, – запинаясь, проговорил старик, – потолковать малость с господином Дон-Эстебаном?

– А! Фельетонист?

– Может быть... может быть, – кивнул Спуль, уступчиво улыбаясь, – не знаю я этого. Может, он ваш директор, может, и побольше того.

– В трактире, – сердито сказал секретарь, прыгнул за дверь, подержался с той стороны за дверную ручку, снова приоткрыл дверь, высунул голову и крикливо адресовал: – «Голубиная почта»! Трактир на той стороне площади! Вот где ваш Дон-Эстебан!

Старик печально надел шляпу. Он не понимал ничего: ни ободранности темной, грязной редакции, где, однако, знают о жизни герцогов и князей больше, чем их прислуга; ни того, почему надо идти в трактир; ни раздражительности толстенького господина. У Спуля был такой обескураженный вид, что сторож пояснил ему, наконец, в чем дело.

– Зайди в «Голубиную почту», дед, – жалостливо сказал он, – там спроси: где тут сидит Акаст? Потому что, видишь, пишет-то он под именем одним, а настоящее его имя Акаст. Вот он Дон-Эстебан и есть.

С холодом и тяжестью недоверия к своему положению Спуль переступил порог «Голубиной почты». Здесь его не мучили; слуга, услышав: «Дон-Эстебан», вытащил палец из соустика и ткнул им в направлении большого стола, за которым сидело и возлежало человек шесть в позах более свободных, чем пьяных. Малое количество бутылок указывало, что головы пока на местах.

– Кто из вас, добрые господа... – начал Спуль, но сбился. – Не тут ли... Который здесь господин писатель Дон-Эстебан?

– Я, – сказал высокий в накидке и серой широкополой шляпе. – Откуда ты, одетый в первобытные одежды, странник Киферии? Кто указал тебе путь в жилище богов? Бессмертных ты или смертных дел древний глашатай? Сядь и скажи, Гекуба, что тебе в моем имени?

– Господин, – сказал Спуль, – послушайте-ка меня... Уж, право, не знаю, как это вам все объяснить, в точку-то самую, а только, изволите видеть, без вас в этом деле, вижу, не обойтись.

И вот, путаясь и волнуясь, поощряемый сначала возгласами и смехом, а затем общим молчанием, рыбак рассказал Акасту, как в глухом, пустынном уголке дикой реки читалась с трепетным напряжением, со страхом и радостью, с опасениями и облегчениями история любви блистательного графа Эмиля и Араминты, дочери угольщика.

– Дзета-то, дочка моя, – говорил Спуль, – хлопчет об них не знамо как, прямо так и скажу: надрывается Дзета. А тут и застопорило, да целых полгода... этого... никаких известий. Здоровому, так скажем, каприз, потому его сиятельство может ведь свои резоны иметь... а больному – горе; только ей, бедняге, Дзете-то, и радости было, что мечтала, будто граф женится на той барышне. И выходит теперь одно-единственное мучение... как принесу это, «Звезду», ну, вроде ребенка моя Дзета: «Опять, – говорит, – нет ничего». Читай ей вот опять про старое, где прощались. Меня измаяла, и сама извелась; да не встает; хоть бы гуляла или что: слаба, видишь... Ну, я и поехал. Чего там? Сердце-то ведь того... Думаю, разужнаю у вас. Так что на вас вся надежда...

Старик замолчал; Акаст, опустив глаза, водил пальцем по скатерти.

– Вот тебе и макулатура, Акаст, – серьезно сказал сутулый человек в синих очках. – Что ты об этом думаешь?

Акаст поднял голову.

– Вы приехали как раз вовремя, Спуль, – сказал он, протягивая рыбаку полный стакан. – Теперь все известно. Эмиль... впрочем, придите сюда завтра к этому же времени. Дела графа блестящи.

– Ну-те?! – повеселел Спуль. – Значит, благополучно?

– Просто прекрасно. Лучше нельзя.

– И пропечатано?

– Конечно. Завтра я дам вам конец романа, и вы отвезете его домой.

Спуль встал.

– Так я рад, что и сидеть никак не могу, – засуетился он, ища шляпу. – Я и то думал: где же и знать, как не здесь? Я ведь грамотный. «Идти уж, – думаю, – так уж по самой по первой линии! По прямой то есть! Приду». Кончину и причину, значит, представите? Ангел вы, господин Дон-Эстебан... ну – запрыгал старик!

Он вышел, то оборачиваясь и пятясь, чтобы еще раз отвесить поклон, то спотыкаясь о тесно расставленные стулья.

– За здоровье Дзеты! – сказал Акаст, поднимая стакан.

III

Стемнело, когда «Дон-Эстебан», присев дома к столу, вспомнил остановку буксирного парохода, на котором, спасаясь от полуголодной жизни провинциального репортера, переключившись бесплатно к центрам цивилизации. Вспомнил он веселую Дзету – знакомство с ней у плотов, где девушка полоскала белье, и ее доверчивые слова: «Раз вы говорите, что приедете, – чего же еще?» Затем Акаст вспомнил «Эмиля и Араминту» – роман, шитый белыми нитками, ради нужды, и властно оборванный издателем, сказавшим однажды: «Довольно. Строчек вы выгоняете много, а конца не предвидится». Погрустив обо всем этом, мысленно улыбнувшись больной Дзете и думая о читательской ее душе с тем пристальным, глубоким вниманием, какое сопутствует серьезным решениям, – Акаст взял перо, бумагу, старательно превратил белые листы в строчки, украшающие судьбу влюбленных помпезной свадьбой, стряхнул с колена изрядную кучу папиросного пепла и, зайдя в типографию, сказал метранпажу:

– Дорогой генерал свинца, наберите это к утру.

– Редакционно?

– Ну... между нами. Кстати, я вам обещал два литра коньяку. Коньяк у меня. Вы всегда сможете его получить. Эта рукопись мне нужна самому – в наборе. Поняли?

– Ничего не понял. Коньяк есть – вот это я понял. Хорошо, будьте покойны!

После этого прошло десять дней, в течение которых одинокая старческая фигура с драгоценным печатным оттиском в зашитом кармане и с письмом в сапоге перемещалась с одной точки земного шара к другой, пока не постучалась у дверей старого маленького дома деревни Хох.

– Ну, тетка, – сказал Спуль старухе-соседке, в его отсутствие ходившей за больной, – ступай-ка пока. Потом поболтаем. Дзета! Дело-то ведь выгорело! Прочти-ка это письмо! Сам Дон-Эстебан написал тебе! «Я, – говорит, – уважаю читателей!» Вот как!

Говоря это, он трудился над распарыванием кармана. Меж тем изумленная и счастливая девушка, едва переводя дух, прочла:

«Дорогая Дзета! Я очень виноват, но дела с графом Эмилем страшно мешали мне приехать или хотя написать. Прости. Знай, что я тот самый писатель, чей роман о незаслуженно страдавшей Араминте ты читала с таким увлечением и который ты дочитаешь теперь, потому что я передал твоему отцу продолжение и окончание. Я скоро приеду; лучшей жены для писателя, чем ты, нигде не найти. Крепко целую. Твой – виноватый – Акаст».

– Что там в письме, Дзета? – спросил старик, разглаживая сверстанный оттиск.

– Что там? – сказала девушка. – Самое простое письмо. Здравствуйте да прощайте, так, ничего... вежливо. Знаешь, я хочу есть. Дай-ка мне молока и хлеба... Нет, ты отрежь потолще. Теперь читай... ну же!

Пока Спуль читал, девушка боролась с волнением и, окончательно, наконец, победив его, громко, довольная, засмеялась, когда, воодушевляясь и притоптывая ногой, Спуль проголосил последние строки:

«...их свадебное путешествие длилось два месяца, после чего граф Эмиль и его молодая жена поселились в замке Арктур, на берегу моря, вспоминая в счастливые эти дни все приключения и опасности, испытанные Эмилем среди шайки бандитов, потерпевших заслуженное и грозное наказание».